

Убыстрение времени, сжимание ранее свободно протекающих или парящих разнонаправленных движений в единую пульсирующую точку свидетельствует и панорама истории музыки, сведенная в единую числовую структуру, представляющую сонатный коэффициент. Сонатный коэффициент — число сонансов (обобщенное наименование консонансов и диссонансов), соответственно IX-X век — 1, эпоха средневековья — 3, эпоха Возрождения и Новое Время — 5, с XX века по настоящий момент — до 15. (7).

Смерч, торнадо, воронка, в которую закрутилось движение жизни, сбросив временные покровы вещей, живая соль бытия, лестница, уходящая в небо, сама вселенская судьба — это музыка. Так внемлем!

¹ Банфи А. Философия искусства. М., 1989.

С.34.

² Гегель Г.В.Ф. Соч., т.14. М.,1958. С. 105-106.

³ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. // Собр.соч. в 5 т. М.,1992. Т.1. С. 309.

⁴ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т.1, С. 261.

⁵ Делез Ж. Тайна Ариадны. // «Вопросы философии», 1993 □ 4. С.52

⁶ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т.1. С.310.

⁷ См.: Холопов Ю.Н. Изменяющееся и неизменное в эволюции музыкального мышления. // сб.: Проблемы традиций и новаторства в современной музыке. М., 1982.

НЕСТЯЖАТЕЛИ И ИОСИФЛЯНЕ: УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ

О. Б. Ионайтис

Ионайтис Ольга Борисовна — кандидат философских наук, доцент, профессор Академии искусств и художественных ремесел, член-корреспондент РАЕН, докторант УрГУ.

Мирь этот преидеть мимо насъ
и слава его исчезнетъ...

Иосиф Волоцкий.

XVI столетие было эпохой величайшего государственного торжества на Руси, что в глазах идеологов приближало ее к выполнению своей официальной исторической миссии: стать новым Римом. Сама история вот-вот закончится, так как в мире,

полном политической и культурной упорядоченности, не останется места для случайностей. Из произведений строится полная и строгая концепция «Святой Руси»: «Стоглав» крепит единство и устойчивость церкви, «Домострой» вводит быт в регламентированные и идеализированные формы, «Степенная книга» и «Лицевой летописный свод» создают выстроенную концепцию русской истории, которая находит свое внутреннее выражение в «Легенде о Белом Клобуке» — знаке незапятнанного ересями православия, который удастаиваются носить наследники Первого Рима и Царьграда. Сами тексты покоряют своим масштабом. Например, «Великие Четьи-Минеи» — это собрание более чем двух тысяч произведений переводной и оригинальной литературы.

Во всем царит идея единства и стройности, идея «чина». Предполагается единый быт всех слоев общества, единый круг чтения всех, единое законодательство, единое мировоззрение. Это приводит к увеличению внимания, к значительности всего того, что свершается в этом мире, земное стало важным как содержащее в себе вечное, божественную волю. Поэтому обряд для XVI в. — это больше, чем религиозное сознание, это восприятие мира.

И вот на этом фоне вдруг (а возможно, что именно при подобных обстоятельствах такое и бывает) возникает острое ощущение боли человеческого существования, боли от пут мира, сковывающего устремленность духа к высшим пределам. Спор нестяжателей и иосифлян — пример столкновения двух мировоззрений, приверженцы которых стремились найти выход из двойственности окружающей их действительности, найти «правду мира». Показательно то, что оба направления развивали идеи исихазма.

Во главе нестяжателей стоял Нил Сорский. После принятия пострига он совершил паломничество

на Афон. Там он проникается идеями Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита. Вернувшись на Русь, организовал монастырь на реке Соре, который, наряду с Троице-Сергиевой лаврой, становится центром распространения исихазма. Нилу Сорскому принадлежит ряд сочинений: «Предание ученикам», «Устав», «Малый устав», несколько посланий.

Соответственно учению исихазма, Нил во главу своих исследований ставил «умное делание», познание божественного. Опираясь на концепции Симеона Нового Богослова и Григория Синаита, он исследовал различные «мысленные брани», которые мучают душу, вводя в нее пороки и грехи. Причиной подобного являются «образы неции и начертания мира», то есть предметы и явления действительности. Благодаря чувствам они «объявляются» уму и преобразуются в простые идеи («помысл прост»). Эта первая ступень развития страсти обозначается понятием «прилог». Если ум не проникается им, не увлекается им — то сам по себе «прилог» безгрешен. Если же ум склоняется к «приятию помысла», тогда наступает вторая ступень — «сочетание», то есть соединение возникшей идеи с «произволением» человека, его волей. В данном случае необходимо осознать, что богоугодна только такая мысль, которая может быть направлена в сторону благих деяний. Любая другая мысль должна быть решительно отсечена, чтобы не возникло «сложение», то есть согласие души с тем, что «глаголет вражеский помысл», «сладостное» ощущение. Следствием подобного наступает «пленение» и в конечном итоге утверждается «страсть» — высшая любовь и приятие земного мира, человеческих «мечтаний». Страсть выбирает и указывает человеку, как ему вести себя и что делать.

Чтобы избежать подобного, всякое дело следует начинать с «мудрования», с рассуждения, чтобы не поработилась душа ощущениями, а ум был очищен от «лукавых помыслов».

Разумение есть раскрытие богооткровенной тайны, благоразумение — умолчание о ней, признание ее непостижимой, слишком высокой и глобальной для человека. Благоразумие уравнивает ум, освобождая и очищая его от словесных форм. Оттого оно равнозначно молчаливости, исихии.

Ссылаясь на Исихия Иерусалимского, в своем «Уставе» Нил Сорский группирует «противоборства» страстями: 1) «прилог блюсти», то есть отсекал негативное на начальном этапе; 2) «сердце имети глубоче, молчаще от всякого помысла, и молитесь», то есть необходимо стремиться к внутренней сосредоточенности духа, не допускающей внешнего воздействия; 3) «Господа Иисуса Христа на помощь призывати», то есть повторять определенные защитительные молитвы; 4) «память смертную имети», то есть размышления о быстротечности земного бытия не должны покидать познающего. К этому еще добавляются: «держати дыхание», «молчати», «воздыхати».

Человек должен воспитывать в себе добродетели: пост, целомудрие, нестяжательство, милосердие, веру, терпение, скромность, смирение. Цель жизни каждого человека — это не умерщвление плоти, а внутреннее, нравственное самосовершенствование, как, например, почва монашеских подвигов — не плоть монаха, а его мысль и сердце.

Нил Сорский, вслед за Симеоном Новым Богословом, много писал о том, что современное христианство покинуло истинные свои цели, оно превратилось в нечто внешнее, а должно стать потребностью сердца и души. Как сообщается: «...все внимание преподобный

Нил сосредотачивает на внутренней духовной жизни во Христе, на чисто духовном воспитании человека-христианина» (Троицкий патерик. М., 1991. С. 258). Очищение души и самосовершенствование через обращение к истинному христианству — вот призывы Нила Сорского.

Но учение не будет полным, человек не достигнет цельности своего существования, если внешний мир, государство не будут посвящены подобными же идеями. И как же это может произойти? У Нила Сорского прозвучала мысль, которая была явно навеяна практикой исихазма: необходимо создать и воспитать свободную, независимую от государства, не связанную с хозяйственной деятельностью мыслящую личность и признать со стороны общества право на существование таких личностей, объединение их в братства.

У Нила Сорского было много последователей. Наиболее известные: Максим Грек, Гурий Тушин, Артемий Троицкий и даже еретики — Феодосий Косой и Матвей Башкин.

Влияние идей нестяжательства проникло в различные сферы сознания Московской Руси: в философию, богословие, искусство (например, иконопись Андрея Рублева и Феофана Грека), даже в практическое преобразование природы и в само ее восприятие в Московской Руси. Если в Киевской Руси считалось возможным преобразовать природу, придать ей смысл христианских идей, то в Московской Руси понимание мира, окружающего человека, принципиально иное. Сергей Радонежский, Нил Сорский и их ученики не предлагают «христианизацию» природы, а наоборот. Мир «дикой» природы, природы, которой не коснулась рука человека, и, следовательно, не исказила — это мир святости. Уход из мира людей — это, прежде всего, уход от греха в богоустановленный порядок не испорченной грехом природы. Для русских аскетов этого времени особое значение приобрел сам выбор местности для иноческого подвига. И раз мир человека утрачивает свою стабильность и святость, отвлекает от самосовершенствования, не дает возможности безмолвия, следовательно, именно природа вне человека должна помогать монаху сосредоточиться на «умном делании». Этим объясняется массовое движение монастырей на север.

Иосиф Волоцкий — вторая сторона спора. Своей задачей он считал социальное служение, что нашло точную характеристику Иосифа в его житии — «знаменитый ревнитель и труженик православия», он постоянно работает (причем, всегда определяет общественную значимость своих трудов). Он был властным проповедником строгого общежития настолько, что при чтении описания устроенной им жизни монастыря удивляешься, как вообще люди могли жить в таких условиях. Жесткий устав монастыря требовал собранности воли. Отсюда мерность, нарочитая чинности, уставность.

Идеал Иосифа — хождение в народ, конечно же, в духе своего времени. Иосиф саму монашескую жизнь переживал как некое социальное задание, как своего рода религиозно-земскую службу. Неправильно было бы сказать, что внешний устав заслоняет у него внутреннее делание, но сама молитва внутри подчиняется социальному служению, делу справедливости и милосердия. Он был великим благотворителем, «немошным спострадателем», как писал современник, и монастырские села защищал из-за этих филантропических побуждений. Например, защищая монастырские владения, Иосиф говорит, что они дают возможность власти быть благотворительной, поддерживать в трудные года нуждающихся подданных. Ведь если бы, к примеру, человек не мог отдать свое имущество, то это бы уменьшило возможность личной

благотворительности.

В самом замысле Иосифа кроется опасность искажения, что и было продемонстрировано его последователями.

В своем произведении «Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих» Иосиф Волоцкий отразил понимание человека, когда главная цель существования — любовь к Богу невзирая ни на жизнь, ни на смерть, ни на грядущее, ни на настоящее. У человека должны быть сформированы представления, что жизнь — это труд, вера, любовь к ближнему, долг. Его сочинение переполнено подобными рассуждениями: «Помни, что ты человек... немощный и подверженный страстям. Помни, что много добрых и злых, умных и неумных, богатых и бедных... Вспомни, что день и ночь борешься ты со грехом, как со львом... Что в этом мире — не ложь? Все полно болезни и страха. Рождение наше — со страстями и смерть страшна... Все пути наши — печальны. Плоть наша — неумирима. Здоровая воюет, немощная печалит нас... кто в этой жизни прожил без скорби? Кто не стонал? Сколько обманутых жизнью!» (там же. С. 21-22). Но подобные мысли не должны приводить в отчаяние, они должны пробуждать жажду деятельности и служения людям. И все самые сумрачные рассуждения о конце света, Суде Бога для Иосифа не являются устрашающими, а наоборот — показывают то положительное, что Бог дал человеку, а именно: свободно определять направления своей деятельности, выполнять поставленные задачи и испытывать от этого радость.

Иосиф в своей деятельности и сочинениях достаточно много ссылаясь на пример Иоанна Златоуста и Симеона Столпника, но понимание их у Иосифа неоднозначно. Да, Иоанн Златоуст считал, что назначение подвижника — вести борьбу с пороками общества, и борьбу активную, обличая сильных мира сего, нарушивших заповеди христианства. Уход от мира неприемлем для Иосифа. Иосиф Волоцкий считал основным для себя социальное служение, он склонен считать, что правильное устройство государства решит все проблемы. Симеон Столпник и Иосиф Волоцкий воспринимали аскетический уход в себя и социальную этику как единые принципы. В «Житии» говорится, что Симеону Столпнику является пророк Илия и велит быть сильным, твердым и мужественным, не страшиться людей, заботиться о бедных и угнетенных, к нему приходящих, гнать прочь богатых. И мы видим явный парадокс отшельничества — к подножию столпа Симеона изо дня в день собираются такие толпы паломников, что жилище Симеона выглядит не столько местом уединения, сколько высокой проповеднической кафедрой. Речи, которые Симеон ведет стоя на своем столпе, вполне соответствуют указаниям Илии. Симеон не просто «гонит» чиновников и сильных мира сего, опираясь на необычайный авторитет, он посылает им властные распоряжения и вмешивается в финансовые дела. Всем уверовавшим богачам Симеон Столпник приказывает отпускать на волю своих рабов. И все это — не спускаясь со всего столпа.

Иосиф Волоцкий во многом повторяет действия Симеона Столпника, но главное — пытается перенести на русскую почву саму идею социального служения.

Нестяжатели и иосифляне — пример того, как, исходя из общего основания, можно прийти к разным выводам.

Один из ведущих вопросов спора — вопрос о мире. Нестяжатели и само движение были не просто отражением, а живым и органическим продолжением того духовного и созерцательного направления,

которое охватило весь греческий мир с начала XIV в. Нестяжательство в основе своей содержит стремление к преодолению всякого «миролюбия». Нестяжание и есть путь из мира, правда нестяжателей — правда созерцания, правда «умного делания». Сразу же нужно отметить, это было не только преодоление мирских пристрастий, но и забвение мира в его нуждах, это было не только отречение от мира, но и отрицание его (что, кстати говоря, является одной из причин победы иосифлян, которые остались в мире, в отличие от нестяжателей). Если нестяжатели и обращаются к миру, то не для того, чтобы строить, а лишь для спора, борьбы с обмирщением самой церковной жизни, для напоминания и наставления на монашеском исходе. Часто этим настроением и можно объяснить рассуждения нестяжателей против приобретения земель, ведь тогда они оказались бы связанными с миром, от которого хотели бы удалиться. Только тогда, когда человек освободится от пуг, его обременяющих, он сможет развивать в себе добродетели (мужество, целомудрие, надежду и любовь). И если нестяжатели выступали против жестких монастырских уставов Иосифа Волоцкого, то это означало только одно — если они и остаются равнодушными к внешней дисциплине и послушанию, то тем более приобретает значение послушание внутреннее, с полным отказом от «самоволия», что и является само по себе основной заповедью аскета.

Разногласия между нестяжателями и иосифлянами можно свести к противопоставлению: завоевание мира на путях внешней работы в нем (иосифляне) и преодоление мира через воспитание нового человека, через становление новой личности (нестяжатели).

Спор иосифлян и нестяжателей привлекал внимание исследователей в связи с различными вопросами отечественной философии, что сформировало определенный стереотип восприятия главных действующих лиц, особенно Иосифа Волоцкого. Но если быть точными, то спор иосифлян и нестяжателей — есть не столкновение противоположных мировоззрений. Это есть столкновение двух правд, изначальное понимание которых было усложнено последователями обеих сторон, как точно отмечал Г. Флоровский. Правда Нила Сорского — правда личного совершенствования, по отношению к которому государство вторично. Правда Иосифа Волоцкого — правда личного совершенствования, которое в принципе невозможно, ни теоретически, ни практически, без государства, и которое осуществляется только через государство. И тот и другой сходились в одном: цель жизни человеческой — внутреннее совершенствование, движение к Богу. Но первое направление считало эту задачу индивидуальной, а второе — не могло понять, как можно стать совершенным в не совершенном мире, ведь мир и человек едины.

Исторический итог спора — победа иосифлян.